

УДК 94(47).02:930.1(437)''19''(045)

*Е.Н. Дербин***ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ТРУДАХ РУССКИХ ИСТОРИКОВ-ЭМИГРАНТОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ (1920-е – СЕРЕДИНА 1940-х ГОДОВ)**

Статья посвящена взглядам русских историков-эмигрантов в Чехословакии (1920-х – сер. 1940-х гг.) на проблему политического строя Древней Руси. Анализируются труды трех поколений исследователей: Е. Ф. Шмурло, А. А. Кизеветтера, Н. Н. Алексеева, Г. В. Вернадского, М. В. Шахматова, С. Г. Пушкарёва, Г. Н. Гарина-Михайловского и П. Н. Савицкого. Прослеживается общность и особенность взглядов рассматриваемых историков, их преемственность с дореволюционной отечественной историографией и вектор самостоятельного развития, прерванного Второй Мировой войной. В итоге русские историки-эмигранты в своих трудах представляли концепции дуализма князя и веча в политическом строе Руси (причем, некоторые считали, что между ними была борьба, другие видели «одиначество») или триализма, включая сюда еще княжескую думу. Важно также отметить, что в Чехословакии сформировалось молодое поколение исследователей, сумевших продолжить традиции русской исторической науки.

Ключевые слова: политогенез Древней Руси, княжеская власть, вече, боярская дума, русские историки-эмигранты, русская эмиграция в Чехословакии.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-651-661

Проблема древнерусского политогенеза всегда являлась одной из краеугольных в отечественной историографии. Таковой она оставалась и в оторванной от родины исторической науке Российского зарубежья [12–13, 15–17]. Первая волна русской учёной эмиграции создала своеобразное сообщество, развивавшееся в отдельных научных центрах, рассеянных почти по всему ареалу её обитания (Европа, Америка, Дальний Восток). Крупнейшим из них в 1920-х – середине 1940-х гг. была «русская» Прага (Чехословакия – далее ЧСР)¹.

Благодаря уникальной «Русской акции» чехословацкого правительства, начатой в конце 1921 г. и заключающейся главным образом в избирательной материальной поддержке (не всех беженцев из России, а в основном студенчества и интеллигенции), здесь удалось создать целую сеть эмигрантских научно-образовательных и культурно-просветительских учреждений. В их числе 5 вузов: Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге (1921–1930 гг.); Русское высшее училище техников путей сообщения в Праге (1922–1933 гг.); Русский институт коммерческих знаний в Праге (1923–1925 гг.); Русский педагогический институт имени Яна Амоса Коменского в Праге (1923–1926 гг.); Русский юридический факультет в Праге (1922–1933 гг.). После их закрытия центр научно-образовательной деятельности переместился в Русский народный университет в Праге (основан в 1923 г.), который, не являясь официально высшим учебным заведением, создавался по типу дореволюционного Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского и давал всем желающим на платной основе получить университетские знания. Выполняя, таким образом, культурно-просветительские функции и предоставляя профессорско-преподавательскому составу возможность заработать. Данная форма самоорганизации русской интеллигенции в условиях эмиграции просуществовала в Праге дольше всех. Переименованный в 1934 г. в Русский свободный университет, а затем в 1943 г. – в Русскую учёную академию, он был закрыт только в 1949 г., включив постепенно в свой состав все оставшиеся в стране научные силы. Кроме вузов необходимо также назвать другие учреждения, в которых осуществлялась научная деятельность русских историков: Русская академическая группа в ЧСР (образована в 1921 г.), Русская учебная коллегия в Праге (образована в 1921 г.), Русский институт в Праге (1922–1938 гг.), Институт изучения России (1924–1928 гг.), Русский заграничный исторический архив в Праге (1923–1945 гг.), Семинариум Кондаковианум, позже – Археологический институт имени Н. П. Кондакова (1925–1952 гг.) и др. Особое место в историографии Российского зарубежья заняло Русское историческое общество в Праге (1925–1945 гг.),

¹ Русской эмиграции в Праге посвящена огромная литература, которую использовал автор. Только её перечисление заняло бы весь объём статьи. Поэтому необходимо указать лишь на труды М. В. Ковалева, специально посвящённые русской историографии в Праге и наиболее полно систематизирующие данные о её положении и развитии [23–24].

объединившее не только всех историков-эмигрантов в ЧСР, но и ставшее притяжением общеэмигрантских научных сил. Кроме того русские учёные имели возможность работать в чехословацкой научно-образовательной системе. Здесь нужно назвать, прежде всего, университеты, в которых обучалось за счёт чехословацкого правительства большое количество студентов из России: в Праге – 2 (Карлов университет и Немецкий университет Карла Фердинанда), в Брно (Масариков университет) и в Братиславе (Университет Коменского) и др. вузы. В 1928 г. был образован Славянский институт в Праге, в котором работало более 50 русских и украинских учёных.

В такой благоприятной обстановке русские учёные получили возможность не только продолжать свою научную деятельность, но и начать воспитание нового поколения. Поэтому обоснованно, что в Чехословакии в 1920-е гг. сконцентрировалось наибольшее число историков-эмигрантов из России. Однако необходимо учитывать, что дальнейшее развитие научной деятельности эмиграции в ЧСР сильно зависело от материальной помощи государства-реципиента. «Русская акция» чехословацкого правительства изначально не была рассчитана на долгое время и это определило три периода существования русской диаспоры: 1) 1920-е гг. – время наиболее интенсивной деятельности; 2) 1930-е – сокращение помощи, что привело к большому оттоку студентов и преподавателей в другие страны; 3) 1939–1945 гг. – Вторая Мировая война, которая окончательно разрушила организационное и институциональное существование эмиграции в Чехословакии. Материальная помощь российским и украинским учёным шла в зависимости от наличия учёного звания и делилась на три категории: 1) обычные профессора; 2) экстраординарные профессора и приват-доценты; 3) аспиранты, оставленные в российских вузах для получения учёной степени, но вынужденные прервать свою научную карьеру в связи с войнами и революциями. В целом, данная градация соответствует трём поколениям русских историков-эмигрантов, работавших в ЧСР в 1920-е – сер. 1940-х гг.

Старшее поколение было представлено Н. П. Кондаковым, Е. Ф. Шмурло, А. А. Кизеветтером, В. А. Мякотиним, Н. В. Ястребовым, В. А. Францевым, Е. А. Ляцким, Е. И. Клетновой, И. И. Лаппо, П. Б. Струве, В. А. Погореловым, А. Н. Фатеевым, А. Д. Григорьевым, Е. В. Спекторским и др. Среди них проблеме политического строя Древней Руси в своих трудах, написанных в Праге, уделили внимание лишь двое: Е. Ф. Шмурло и А. А. Кизеветтер². Ограниченность рамками статьи не позволяет полностью раскрыть их взгляды по изучаемому вопросу. Приходится остановиться лишь на главном, – характеристике историков формы правления, существовавшей в домонгольской Руси.

Итак, Евгений Францевич Шмурло (1853/54–1934), один из старейшин русских историков в эмиграции на склоне лет работал над объёмным «Курсом русской истории» (Прага, 1931–1935. Т. 1–3), напечатав также отдельно «Введение в русскую историю» (Прага, 1924) и адаптированную для иностранцев «Историю России» (*Storia della Russia. Roma, 1928–1930. Vol. 1–3*) [о нём см.: 2; 21]. Не являясь специалистом по древнерусской истории³, тем не менее, в его общих трудах содержится всесторонний взгляд на интересующую проблему. Политический строй Древней Руси, по мнению Е. Ф. Шмурло, определялся взаимодействием двух сил: вечевого действия и княжеской власти. Их взаимные отношения были неопределёнными. Однако на практике, считал вслед за В.И. Сергеевичем Е.Ф. Шмурло, «вече и князь охотнее мыслились как две силы, которые дополняют, поддерживают одна другую, действуют в духе «одиначества» (единения, согласия). Князю, добровольно избранному, Земля охотно передавала всю полноту своих государственных прав: управление, суд, начальство над ратью, оборону от врагов, – более того: в проявлении этих прав князем она видела прямую его обязанность». Функции же веча, состоявшего из полноправных граждан главного города и пригородов, за-

² Труд известного филолога А. Д. Григорьева «Древняя история восточных (русских) славян до начала образования Киевского русского государства (1700 г. пред Р.Х. – 882 г. по Р.Х.)» (Прага, 1945) не учитывается. Не только в виду его дилетантизма с точки зрения исторической науки, но и, главным образом, в связи с отсутствием каких-либо взглядов по изучаемому вопросу. В. А. Мякотин, И. И. Лаппо и П. Б. Струве, переехав в другие центры русского рассеяния (Болгария, Литва, Югославия), продолжили там заниматься русской историей. Поэтому их труды по данному вопросу принадлежат отдельному рассмотрению вместе с иными историками, работавшими в этих странах-реципиентах. Работы же Е. А. Ляцкого, Е. И. Клетновой и В. А. Погорелова по древнерусской тематике носят исключительно фактический характер.

³ Единственной специальной работой Е. Ф. Шмурло по древнерусской истории является доклад «Когда и где крестился Владимир Святой?», прочитанный на заседании Русского исторического общества в 1925 г. и носящий чисто фактический характер, доказывающий факт крещения Руси не в 988, а в 990 г. [37].

ключались в призвании князя, заключении с ним ряда, т. е. договора об условиях его избрания, изгнании неугодных князей и решении вопросов войны и мира. Созывал вече обыкновенно князь, исключение означало несогласие и раздор с князем. Однако взаимная необходимость друг в друге для установления внутреннего порядка никогда не вызывали несогласия против самого института власти, только против конкретной личности. Таким образом, констатирует историк, «князь призывался владеть, т. е. держать власть, править и защищать. При всем том хозяином, государем Земли была сама Земля, не князь». Княжеская же дума, согласно Е. Ф. Шмурло, не была органом власти, а «была делом обычая, не закона; выслушать её мнение являлось для князя своего рода нравственным долгом» [38, с. 104–105, 108–110, 114–115; 36, р. 23–26]. Начиная с середины XII в., с утратой Киевом значения политического центра и усилением идеи областной отдельности, появляются, считал историк, три центра со своими политическими особенностями. «Со времен Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского в Северо-Восточной земле стал складываться тип хозяина-вотчинника», «вместо старшего в роду – князь-самовластец, князь-господин», «и уже не князь стал зависеть от Земли, а Земля от князя». Тем самым, здесь Е. Ф. Шмурло традиционно наблюдал «перевес княжеской власти над вечем» [35, с. 165–166; 38, с. 106, 131–134, 137, 148]. В Галицко-Волынской Руси политическая ситуация развивалась иначе. Там «выросли две силы – князь и боярство, взаимоотношения которых зиждились не на единении, а на соперничестве и противопоставлении интересов одной стороны интересам другой». «Под влиянием Польши и Венгрии, где королевская власть была ограничена в своих правах высшим сословием, галицкие дружинники прониклись аристократическим духом и старались играть у себя дома такую же видную политическую роль, подчинить князя своим видам и ослабить его власть, что им в значительной степени и удалось» [38, с. 140–141, 148]. В Новгороде же политическое устройство, благодаря частым сменам князей, сложилось с перевесом веча над князем. Историк писал: «для новгородцев князь – неизбежное зло. Без князя не обойдешься, он нужен для обороны от внешних врагов, от притязаний со стороны своих же русских князей; князь должен обеспечить справедливый суд, обезопасить торговлю, свободный провоз товаров, но сам он для населения всегда более или менее чужой. ... это наёмник, которому платят и за которым следует зорко следить, как бы он не использовал своего положения в ущерб свободе и материальному благосостоянию города». Отсюда следовали известные ограничения княжеской власти в Новгороде [38, с. 144–148]. В итоге, в своих трудах за границей Е. Ф. Шмурло транслировал устоявшиеся ещё в XIX в. в отечественной историографии представления о политическом строе Древней Руси. По нему, это – «форма ещё недоразвившегося государственного строя», т. к. существовало два «одинаково самостоятельных и независимых одна от другой организаций с суверенной властью в пределах одного государства» (князь и вече) [35, с. 81].

В отличие от Е. Ф. Шмурло, Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) не оставил крупных научных работ в эмиграции, активно занимаясь больше общественной и педагогической деятельностью [о нём см.: 11, 32, 39]. Тем не менее, можно судить о его мнении по большой статье «История самоуправления в России», опубликованной по-сербски в журнале «Савремена Општина» после серии публичных лекций, прочитанных в Белграде в 1928 г. Данное произведение, скорее всего, является сокращённым вариантом известного труда А. А. Кизеветтера «Местное самоуправление в России. IX–XIX ст.» (М., 1910; 2-е изд. Пг., 1917), что свидетельствует о неизменности его дореволюционных взглядов и позволяет использовать для полноты картины обе работы историка. Кратко характеризуя административное устройство типичного княжества X–XII вв., он считал, что во главе управления стоит «князь-кормленщик», «являющийся со своей дружиной в данное княжество лишь на временную побывку, не пускающий прочных корней на определённом княжеском столе, не отождествляющий своих интересов с интересами местного населения. Князь садится на княжение для того, чтобы получить корм с населения за свои правительственные действия, и каждую минуту он готов уйти на другой княжеский стол, в другую область, где можно будет встретить более привлекательные условия, более сытный корм и более славную военную добычу». Наряду с ним «во главе управления княжеством стоит вечевая сходка стольного города», состоящая из всех свободных горожан и принимающая решение единогласно. «Вечевые решения имеют полновластную законодательную силу». Взаимные отношения между этими двумя органами верховной власти, вечем и князем, были неопределённые и «носили чисто фактический характер». «Всё, что мог князь, могло и вече, и наоборот». «Это был какой-то неуловимый политический дуализм», который не определялся даже существованием взаимного «ряда», касающегося «только некоторых отдельных сторон княжеской деятельности». Такова по А. А. Кизевет-

теру картина «первобытного государства», каким были древнерусские княжества, «с самым несложным правительственным аппаратом и самым широким господством ничем не ограниченного народного обычая», где целый ряд народных потребностей удовлетворяется не органами публичной власти, а «частными средствами самого населения». Иные отношения с середины XII в. складываются на северо-востоке Руси, где возникает «новый политический порядок, который может быть назван удельным». Благодаря княжеской колонизации края, «политический авторитет» князя вырос, и он стал вотчинником, хозяином земли, передающим её своим детям [19, с. 1497–1498; 20, с. 5–30].

В отличие от старшего поколения историков-эмигрантов в ЧСР, оставшихся верными дореволюционным схемам русской истории, среднее и младшее поколения стремились переписать их. Остро чувствуя необходимость понять причины и значение свершившейся катастрофы революции, их не устраивали прежние учения «отцов», в науке они желали идти своими путями. Так в этой среде родилось евразийское движение, одним из главных центров которого стала Прага. Очень соблазнительно разделять русских историков-эмигрантов в ЧСР на евразийцев и остальных, как это делают некоторые исследователи. Однако необходимо учитывать, что евразийцы, создав свою философию истории, не создали единой концепции русской истории. К тому же не все те, кто участвовал в евразийских изданиях, были евразийцами [13–14]. Единственной, на мой взгляд, чётко улавливаемой закономерностью развития русской исторической мысли за рубежом является генерационная. Среди среднего поколения историков-эмигрантов, трудившихся в ЧСР, выделяются А. П. Калитинский, Н. Н. Алексеев, В. Н. Тукалевский, И. Ф. Быкадоров, В. Н. Светозаров, Н. Ф. Новожилов, Н. Н. Аленников, А. В. Флоровский, В. В. Саханев, Н. Л. Окунев, А. Ф. Изюмов, П. А. Остроухов, А. Л. Бем, М. А. Циммерман, Г. В. Вернадский, К. И. Зайцев, Е. Ю. Перфецкий. Из них проблеме политического строя Древней Руси в своих трудах, написанных в Праге, уделили внимание двое, активные евразийцы Н. Н. Алексеев и Г. В. Вернадский⁴.

Николай Николаевич Алексеев (1879–1964), как и многие другие правоведы-теоретики дореволюционной школы, особенно в условиях эмиграции, не чуждался и историко-правовых вопросов. Примкнув в 1926 г. к евразийству, Н. Н. Алексеев поставил перед собой цель изучить воззрения русского народа на государство, его политические идеалы. Этому он посвятил целую серию публичных лекций, читавшихся в Праге, Берлине и Париже, вылившуюся в серию статей, опубликованных в 1926–1929 гг. в крупнейшем религиозно-философском журнале русской эмиграции «Путь». Попытку изучить политические формы, в которых жило древнерусское общество, а главное – «представления нашего народа о государстве и князе» того времени, Н. Н. Алексеев предпринял обратившись к народному героическому эпосу (былинам). В нём, по его мнению, «не выкристаллизовалось ещё понятие единого русского государства с его населением, территорией и единой властью. Россия представляется ещё совокупностью самостоятельных земель, городов и княжеств». «Вообще Русь представляется стихией, где свободно и вольно, чисто анархически возникают властные отношения. ... Не долг повиновения, а свободная воля – вот отношения богатырей к князю». «Властные отношения в былинном эпосе носят характер договорный, случайный». «Иногда простые люди при разногласии с князем прямо выступают против него, воюют с ним, покоряют его». «Вообще князья в былинах суть князья весьма демократические, мужицкие», не имеющие силы отразить «силу казацкой стихии, силу «воровских» людей, дикой вольницы». Согласно этому «казацкому» идеалу, «главная политическая сила – это народ, олицетворённый в образе мифической, богатырской силы, в образе крестьянского сына, вольного казака Ильи Муромца и других богатырей, символизирующих также народную, земскую мощь. Но в то же время – это демократия первобытная, кочевая, политически аморфная, полуанархическая. В ней нет места какому-нибудь организующему началу, нет места праву». Таким образом, приходил к выводу

⁴ Н. Н. Аленников и К. И. Зайцев также писали по данной теме, но будучи уже не в Праге (первый переехал во Францию, второй – в Китай). В работе И. Ф. Быкадорова «История казачества» (Прага, 1930. Кн. 1) имеются интересные рассуждения об образовании «Русского (Киевского) государства», но отсутствуют взгляды на его политический строй. Е. Ю. Перфецкого и А. В. Флоровского можно считать специалистами по древнерусской истории, оба преподавали её в ЧСР, но в их печатных трудах по данной тематике исследуются либо источники и историографические моменты, либо фактические данные. Неопубликованные же работы, оставшиеся в чехословацких архивах мне, к сожалению, не доступны. Однако в российском архиве А. В. Флоровского имеется обширный конспект лекций «История древней Руси» (Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 116–118). Очень содержательный с точки зрения рассматриваемой проблематики, но читался он в Новороссийском университете и на Одесских высших женских курсах в 1919 г., ещё до эмиграции. Можно лишь предполагать, что историк мог использовать его в дальнейшем.

Н. Н. Алексеев, «сказанное делает понятным, почему так трудно, даже прямо невозможно, применять к быту казацкого товарищества какие-либо современные государственно-правовые понятия: монархия, например, или республика». Поэтому он давал оригинальную формулировку: «древние русские народоправства были республиками, имевшими своих князей и царей; и в то же время их можно назвать монархиями, власть в которых принадлежала народу» [1, с. 101–104, 106–107]. Здесь Н. Н. Алексеев, несмотря на относительно новые подходы, явно развивал взгляд дореволюционной историко-правовой науки, обоснованный в своё время ещё В. И. Сергеевичем.

Другой представитель евразийства, Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973), пожалуй, крупнейший русский историк всея эмиграции, также в пражский период занимался историей русского права [о нём см.: 10]. Из его пера вышло несколько изданий лекций по истории русского права. Кроме того, участие в основании и деятельности Семинарии имени Н. П. Кондакова (один из руководителей) привело учёного к специальному интересу древнерусской историей, выдающимся специалистом в которой он станет уже в Америке. Венцом пражского периода жизни и творчества Г. В. Вернадского стала программная для всего евразийства книга «Начертание русской истории» (Прага, 1927. Ч. 1)⁵. В отличие от других историков-эмигрантов в ЧСР, он считал, что государственная организация власти «русских земель» в «княжеско-вечевую эпоху» до середины XII в. состояла из трёх элементов. «Во главе каждой области стоял князь, но он не был единоличным правителем. Вокруг него был совет старших его дружинников – княжеская дума. Большое значение имели и города, жители которых обсуждали на вече важнейшие общественные дела. В некоторых княжествах были целые группы населения, которые имели особый голос при решении политических вопросов в княжеском совете. Так, киевские князья в главных своих военных решениях должны были считаться с голосом чёрных клобуков – посёлённых в Киевской Руси турецких отрядов, вытесненных из степи половцами» [4, с. 8–9, 18–21; 5, с. 30, 35, 66–67; 6, с. 37]⁶. В компетенции веча Г. В. Вернадский видел помимо призвания и изгнания князей, договора с ним и решения вопросов войны или мира также законодательные и судебные функции. Далее, традиционно считал историк, с середины XII в. власть в некоторых землях приобретает свои особенности. В Новгороде «князья были лишь дополнительным элементом власти... Основным элементом являлось вече. Новгород был народоправством». Во Владимиро-Суздальском княжестве князья хотели быть свободны «от старых обычаев, от влияния вечевых порядков» и возвышали свою власть. В Галицко-Волынской земле князья боролись с притязаниями боярства на власть [5, с. 15].

К младшему поколению русских историков, начавших свою научную деятельность в основном уже в ЧСР, необходимо отнести М. В. Шахматова, Б. А. Евреинова, С. Г. Пушкарёва, К. К. Висковатого, Г. Н. Гарина-Михайловского, И. И. (О. О.) Маркова, И. О. Панаса, Н. С. Жекулина, С. Л. Волкобруна, Г. В. Флоровского, Н. А. Еленева, Н. П. Толля, П. Н. Савицкого, Е. Ф. Максимовича, А. В. Камнева, Н. М. Беляева, М. А. Андрееву, А. Б. Эфрона, Д. А. Расовского, В. С. Вилинского, В. В. Леонтовича, Н. Е. Андреева, Е. И. Мельникова и др. Большинство из них интересовалось древнерусской историей, но проблема политического строя Древней Руси нашла отражение в трудах лишь М. В. Шахматова, С. Г. Пушкарёва, Г. Н. Гарина-Михайловского и П. Н. Савицкого. Причём для Мстислава Вячеславовича Шахматова (1888–1943) она стала специальной темой исследований [о нём см.: 14–15, 25]. В 1927 г. ему удаётся защитить (редкий случай) магистерскую диссертацию по истории русского права на тему «Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти (Опыт по истории древнерусских политических идей)» и стать профессором. Как писал один из рецензентов, данная тема «неожиданно приобретает какое-то актуальное значение: Древняя Русь знала уже борьбу «демократического» начала с началом единодержавия и политические распри давно минувших веков не кажутся уже такими далёкими» [3]. Им был подготовлен к печати и «Учебник истории русского права земского периода» (1924), однако, будучи не опубликованным, о его судьбе ничего неизвестно, т. к. пражский архив учёного до сих пор остаётся не обработанным. Согласно М. В. Шахматову, в домонгольской Руси («земский период») в политическом строе земель-государств был дуализм верховной власти: с одной стороны – князь с дружиной, с другой – вече, воля которых взаимно ограничивала друг друга

⁵ Также в Праге была начата опубликованная позже работа «Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени» (Берлин, 1934), которая отражает те же взгляды, что и в «Начертании русской истории», в отличие от последующих американских трудов историка [5, с. 29, прим. 3; 31, с. 483]. Поэтому стоит их сравнить.

⁶ Последнее утверждение заимствовано из трудов Д. А. Расовского, историка, работавшего вместе с Г. В. Вернадским в Семинарии имени Н. П. Кондакова в Праге [30].

[33, с. 17, 28, 54–55, 139–140, 150, 155, 167]. Это отразилось, по его мнению, и в двойственности политических учений древнерусских летописей, обосновывавших и принцип народовластия, и начало единоличной княжеской власти. Внутри рассматриваемого периода историк разделяет эпоху до принятия христианства и после. В языческий период единственным источником властвования было, по его мнению, «превосходство естественной силы», которое даёт «их обладателю и власть, и почет, и значение». Князья и их хорошо вооруженные «дружины были почти что первой организацией силы на Руси, необходимой как основа для появления государственности». Однако лишь «дань, дающая богатство, собиранье имения составляют, в глазах князей и дружины языческой Руси, цель и смысл государственного властвования», они не заботились «о прочном земском устроении» [33, с. 5, 55, 57, 105–106, 189; 34, с. 202–203, 230]. После торжества христианства появляется новый источник власти – богоустановленность, целью которой «является служение праву, правде и справедливости». Главной целью «правды», как древнего русского государственного идеала, становится общественное благо. Поэтому «князю вменяется целый ряд обязанностей в области военного дела, суда, управления и даже – множество нравственных обязанностей, ибо по воззрениям того времени от праведности князя зависело благосостояние страны» [33, с. 5, 12–15, 17–18; 34, с. 249–299, 475–480, 495, 524]. «Принцип любви и правды требует, чтобы отношения между правительством и народом или между различными государствами не были построены только на силе или формальном праве, обеспеченном силой». Однако в действительности в Древней Руси продолжали господствовать сила и «национальный, извечный, изначальный обычай», по которому широко применялся принцип вечевого народовластия. «Наши летописи, изображая государственный строй древней Руси земского периода, определенно свидетельствуют о распространенности вечевых собраний на всей территории земли Русской. Они были органами народной власти во всех существовавших тогда небольших землях-государствах, и право веча на участие в государственном правлении не подвергается сомнению со стороны большинства летописей» [34, с. 97–98, 106–114, 121–122, 124, 163, 180]. Таким образом, М. В. Шахматову, вслед за летописцами, политический строй Древней Руси представлялся в очень сложном виде. Причиной тому, по его мнению, является «нежелание князей и общества сочетать начал правды с существовавшим тогда княжеским владением и вечевым строем», «государственной действительностью» [33, с. 30, 32]. Отсюда такие интересные и оригинальные формулировки: «характер княжеской власти был по представлению летописей чрезвычайно многосторонним. Как совместная власть довольно многочисленной группы лиц целого рода, с рыцарским оттенком прав и поведения его членов, княжеская власть носила сильный отпечаток высшей аристократии; как власть единоличная князя в его особой волости, она носила отенок монархический; по своему религиозному авторитету и производству своих прав от Бога — она подчинялась Богоправству; по своим отношениям к вечу — была сродни органам народоправства. В таком сложном представлении о княжеской власти можно видеть компромисс между различными, часто противоположными идейными течениями». «С точки зрения древнерусского книжника», утверждал М. В. Шахматов, недостаточно было бы сказать, что «власть есть господство одних и покорение других, — это было бы упрощением понятий того времени». Потому что «летописи понимали «власть» не как отвлеченный принцип, а как властвование, связанное с реальным образом властодержателя» — князя и веча [34, с. 466–471, 565–568].

Если М. В. Шахматов налагал на дореволюционные концепции политического строя Древней Руси свои историософские взгляды, то следующий представитель молодого поколения историков-эмигрантов, Сергей Германович Пушкарёв (1888–1984), предпочитал исключительно следовать фактам и историографическим установкам (в первую очередь, В. О. Ключевского с добавлением взглядов историков русского права) [о нём см.: 22]. Не являясь специалистом по древнерусской истории, его представления о политическом строе Древней Руси содержатся в нескольких общих трудах [27–29]. Он также считал, что «князь, носитель монархического начала в древнерусском государстве (точнее, в древнерусских государствах), отнюдь не был в Киевскую эпоху неограниченным правителем... Его правительственный авторитет и сама возможность властвования обуславливались его согласием (или «одиначеством») с подвластным ему населением». Вече, как «демократический элемент в древнерусском государственном строе», был органом политической власти, который проявлялся «лишь в случаях чрезвычайных» (избрание и призвание князя, договор с ним и изгнание в случае недовольства им, решение вопросов войны и мира). Отношения между князем и вечем создавали «известного рода «двоевластие»» и разрешались фактическим соотношением сил. Третий же «возможный элемент государственной власти, именно элемент аристократический» (княжеская Дума), согласно С. Г. Пушкарёву, «не играл существенной политической

роли в русских княжествах XI–XIII веков» (за исключением Галицко-Волынской земли). Далее историк традиционно отмечает усиление княжеской власти в Северо-Восточной Руси с возникновением уделов, в которых «верховные государственные права сливались и смешивались с правами владельческими» и «полный упадок элемента вечевого, демократического». И, наоборот, в Новгородской Руси с развитием народоправства «князь превращается в избираемого чиновника». По образному выражению С. Г. Пушкикарёва: «Политический строй Новгорода обнаруживал явную тенденцию одновременного развития двух «ложных» политических форм: олигархии кучки бояр, с одной стороны, и охлократии буйной черни – с другой» [27, с. 1–15; 28, с. 5–13; 29, с. 123–124].

Следующий представитель младшего поколения, юрист-международник Георгий Николаевич Гарин-Михайловский (1890–1946), сын известного писателя Н. Г. Гарина-Михайловского, с началом Второй Мировой войны работал над книгой «История России», которая должна была выйти в 1942 г., но издана не была [о нём см.: 7, 26]. К удивлению, её отрывки тогда же публиковались в газете «Словак». Ярко выраженный норманист и монархист, он считал, что только «вследствие непрерывных междоусобных войн князей, возникших из-за разделения Руси на множество уделов, и того, что «великий князь Киевский не обладал по существу монархической властью над младшими князьями», в их политической борьбе начинают участвовать веча. У населения городов внутренние войны князей, а особенно их призыв на помощь варягов, венгров, поляков, половцев, вызывало «величайшее возмущение, которое выражалось в республиканско-демократических анархиях и вечах, и дело иногда превращалось в поле битвы двух враждующих сторон». «Перед своими князьями горожане часто выступали не как верноподданные, а как рыцари по отношению к своим пленникам, ведь бывали также случаи заключения в тюрьму или даже убийства неудобных князей. Естественно, могущественные князья знали, как отомстить своему населению», которое, насмотревшись «нормандского произвола, зависти и ревности» князей, стало распушенным. «Интересно, что в Киевской Руси уже были известны даже еврейские погромы», – восклицает историк, считая, что без такого поведения князей, среднего класса и населения не было бы татарского ига [8–9]. Работа Г. Н. Гарина-Михайловского, конечно, носит больше публицистический, чем научный, характер, но его взгляды отражали представления достаточно широкого круга русской эмиграции, и тем ценны.

Наконец, один из главных теоретиков евразийства, экономист Пётр Николаевич Савицкий (1895–1968) [о нём см.: 18]. К середине 1930-х гг. разработал своеобразную теорию «ритмики истории», отразившуюся в статьях ««Подъём» и «депрессия» в древнерусской истории» (1935) и «Ритмы монгольского века» (1937). В механизме последовательной смены «подъёмов» и «депрессий» на Руси, по его мнению, большую роль играла «ставка на сильных» (усиление княжеской власти) и вызываемая ею социальная реакция со стороны народных низов, приводящая к «фактам с «демократической» тенденцией» или «специфической форме выявления «демократического» начала» – выступлениям веча. То есть, деятельность веча, по П. Н. Савицкому, проявлялась лишь в «кризисные» моменты. Это «чрезвычайный» орган власти на Руси, действующий как «орган «депрессивных» событий, а князья выступают как ««демократы» в момент депрессии и «автократы» в период расцвета». «Только позже в Новгороде и Пскове вече стало более регулярно действующим установлением» [31, с. 151–152, 162–163, 182, 184, 200].

Таким образом, русские историки-эмигранты, с одной стороны, транслировали уже устоявшиеся в дореволюционной отечественной историографии концепции дуализма князя и веча в политическом строе Руси (причём некоторые считали, что между ними была борьба, другие видели «одиначество») или триализма, включая сюда ещё княжескую думу. С другой стороны, на это налагались новые историко-философские обоснования. Важно также отметить, что в ЧСР сформировалось молодое поколение исследователей, сумевших продолжить традиции русской исторической науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с.
2. Беляев С. А. Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. М.: Наука, 2003. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке. С. 149–157.
3. В-ий С. [Варшавский С. И.] Новый магистр истории русского права // Возрождение. 1927. 4 июля. № 762. С. 3.
4. Вернадский Г. В. Конспект к лекциям по истории русского права. Прага, 1922. Ч. 1 (до XVIII в.). 26 с.
5. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000. 318 с.
6. Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М.: КМК, 2005. 339 с.

7. *Гарбульова Л.* Жизнь русского дипломата Георгия Николаевича Гарина-Михайловского в Словакии // Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. М., 2008. Вып. 2. С. 177–188.
8. *Garin-Michajlovskij J.* Kijevske Rusko (862–1240) // Slovák. 9 augusta. 1942. N 180. S. 9.
9. *Garin-Michajlovskij J.* Kolonizácia východnej Európy slovanskými kmeňmi // Slovák. 1942. 24 mája. N 117. S. 5.
10. *Дворниченко А. Ю.* Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идеи и события. СПб.: Евразия, 2017. 723 с.
11. *Демина Л. И. А. А.* Кизеветтер в Праге (1923–1933): страницы жизни // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: Новые документы и материалы. М., 2001. С. 131–137.
12. *Дербин Е. Н.* Дискуссия по вопросу «Откуда есть пошла русская земля... и откуда русская земля стала есть» в украинской эмигрантской историографии начала 1930-х гг. // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2022. Т. 32. № 1. С. 55–64.
13. *Дербин Е. Н.* Древнерусская государственность в представлении евразийцев 1920–30-х гг. // Древняя Русь: общество, власть, культура. Сб. ст. к 60-летию профессора В. В. Пузанова. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2020. С. 24–38.
14. *Дербин Е. Н.* Евразийство и М. В. Шахматов (к вопросу о разграничении точек зрения) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 6 (28). С. 146–152.
15. *Дербин Е. Н.* Концепция верховной власти Древней Руси М. В. Шахматова и евразийство // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. СПб., 2017. Вып. 7. К 60-летию профессора А. Ю. Дворниченко. С. 334–346.
16. *Дербин Е. Н.* Проблема верховной власти Древней Руси в трудах историков белградского круга русской эмиграции (1920–30-е гг.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2016. Вып. 5. К 80-летию профессора И. Я. Фроянова. С. 82–105.
17. *Дербин Е. Н.* Проблема верховной власти в Древней Руси в трудах историков-юристов Харбинского центра русской эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2016. № 1. С. 18–30.
18. *Ермишина К. Б.* Пётр Николаевич Савицкий: жизненный и творческий путь // Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства: Статьи и письма. М., 2018. С. 7–62.
19. *Кизеветтер А.* Историја самоуправа у Русији // Савремена Општина. 1928. № 4. С. 1497–1514.
20. *Кизеветтер А. А.* Местное самоуправление в России. IX–XIX ст. 2-е изд. Пг.: Задруга, 1917. 119 с.
21. *Ковалев М. В.* Евгений Францевич Шмурло: русская италянистика в эмиграции // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 155–172.
22. *Ковалев М. В.* Жизнь и творчество историка Русского Зарубежья Сергея Германовича Пушкарева (1888–1984) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 162–179.
23. *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2012. 408 с.
24. *Ковалев М. В.* Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930-е годы. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2014. 154 с.
25. *Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.* Историк права Мстислав Вячеславович Шахматов // История государства и права. 2021. № 1. С. 36–44.
26. *Могилевский Н. А. Г. Н.* Гарин-Михайловский: судьба и тексты // Люди и тексты. Исторический альманах. 2020. Вып. 13. С. 157–184.
27. *Пушкарев С. Г.* Очерк истории русского государственного права (верховная власть и государственное управление). [Братислава: Общество галлиполийцев, 19?]. 15, 20, 27 с.
28. *Пушкарев С. Г.* Роль православной церкви в истории русской культуры и государственности. Владимирова, 1938. 62 с.
29. *Пушкарев С. Г.* Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. 5. С. 121–152.
30. *Расовский Д. А.* О роли чёрных клобуков в истории древней Руси // Seminarium Kondakovianum. Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1927. Вып. I. С. 93–109.
31. *Савицкий П. Н.* Научные задачи евразийства: Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Викмо-М, 2018. 680 с.
32. *Цепилова В. И. А. А.* Кизеветтер в эмиграции (1922–1933) // Известия Уральского государственного университета. 2005. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 17. №. 34. С. 108–114.
33. *Шахматов М. В.* Государство правды. М.: ФонДИВ, 2008. 312 с.
34. *Шахматов М. В.* Опыты по истории древнерусских политических идей. Т. 1. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Прага, 1926–1927. Кн. 1. Начало соборности; Кн. 2. Начало единоначалия. 574 с.
35. *Шмурло Е. Ф.* Введение в русскую историю. Прага: Пламя, 1924. 178 с.
36. *Šmurlo E.* Storia della Russia. Roma: Anonima Romana Editoriale, 1928. Vol. 1. Dalle origini a Pietro il Grande. 286 p.
37. *Шмурло Е. Ф.* Когда и где крестился Владимир Святой? // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1. С. 120–148.

38. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. В 4 т. СПб.: Алетейя, 2000. Т. 1. Возникновение и образование Русского государства. 544 с.
39. Шпаковская М. А. Одиннадцать лет в эмиграции (из жизни профессора А. А. Кизеветтера в Праге) (по материалам московских архивов) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2001. Серия: Международные отношения. № 1. С. 163–169.

Поступила в редакцию 03.10.2023

Дербин Евгений Николаевич, кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет»
426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, 11 (корп. 1)
E-mail: derbin80@mail.ru

E.N. Derbin

POLITICAL STRUCTURE OF ANCIENT RUS' IN THE WORKS OF RUSSIAN HISTORIANS-EMIGRANTS IN CZECHOSLOVAKIA (1920s — mid 1940s)

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-651-661

The article is devoted to the views of Russian historians-emigrants in Czechoslovakia (1920s - mid 1940s) on the problem of the political system in Ancient Rus'. The works of three generations of researchers are analyzed: E. F. Shmurlo, A. A. Kizevetter, N. N. Alekseev, G. V. Vernadsky, M. V. Shakhmatov, S. G. Pushkarev, G. N. Garin-Mikhailovsky and P. N. Savitsky. The author traces the commonality and peculiarity of the views of the historians under consideration, their continuity with pre-revolutionary Russian historiography and the vector of independent development interrupted by the Second World War. As a result, Russian historians-emigrants in their writings presented the concepts of dualism of the prince and the veche in the political system of Rus' (and some believed that there was a struggle between them, others saw «odinachestvo») or trialism, including the princely дума. It is also important to note that a young generation of researchers has formed in Czechoslovakia who have managed to continue the traditions of Russian historical science.

Keywords: supreme authority in Ancient Rus', princely power, veche, boyar дума, Russian historians-emigrants, Russian emigration to Czechoslovakia.

REFERENCES

1. Alekseev N. N. Russkij narod i gosudarstvo [The Russian people and the state]. Moscow, Agraf Publ., 1998, 635 p. (In Russian).
2. Belyaev S. A. Evgenij Shmurlo v emigracii (osnovnye vekhi zhizni i tvorchestva) [Evgeny Shmurlo in exile (the main milestones of life and creativity)]. Rossiya i Italiya [Russia and Italy]. Moscow, Nauka Publ., 2003, Issue 5, pp. 149–157. (In Russian).
3. V-ij S. [Varshavskij S. I.] Novyj magistr istorii russkogo prava [New Master of History of Russian Law]. Vozrozhdenie [Revival], 1927, no.762, p. 3. (In Russian).
4. Vernadskij G. V. Konspekt k lekcijam po istorii russkogo prava [Summary of lectures on the history of Russian law]. Praga, 1922, Part 1, 26 p. (In Russian).
5. Vernadskij G. V. Nachertanie russkoj istorii [The Outline of Russian History]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2000, 318 p. (In Russian).
6. Vernadskij G. V. Opyt istorii Evrazii. Zven'ya russkoj kul'tury [The experience of the history of Eurasia. Links of Russian culture]. Moscow, KMK Publ., 2005, 339 p. (In Russian).
7. Garbul'ova L. Zhizn' russkogo diplomata Georgiya Nikolaevicha Garina-Mihajlovskogo v Slovakkii [The life of the Russian diplomat Georgy Nikolaevich Garin-Mikhailovsky in Slovakia]. Problemy istorii Russkogo zarubezh'ya. Materialy i issledovaniya [Problems of the history of the Russian diaspora. Materials and research]. Moscow, 2008. Issue 2, pp. 177–188. (In Russian).
8. Garin-Mihajlovskij G. Kievskaya Rus' (862–1240) [Kievan Rus' (862–1240)]. Slovak [Slovak], 1942, no. 180, p. 9. (In Slovak).
9. Garin-Mihajlovskij G. Kolonizaciya vostochnoj Evropy slavyanskimi plemenami [Colonization of Eastern Europe by Slavic tribes]. Slovak [Slovak], 1942, no. 117, p. 5. (In Slovak).
10. Dvornichenko A. Yu. Russkij istorik Georgij Vernadskij. Puteshestviya v mire lyudej, idei i sobytiya [Russian historian Georgy Vernadsky. Traveling in the world of people, ideas and events]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2017, 723 p. (In Russian).

11. *Demina L. I.* A. A. Kizevetter v Prage (1923–1933): stranicy zhizni [A. A. Kiesewetter in Prague (1923–1933): pages of life]. Rossijskaya intelligenciya na rodine i v zarubezh'e: Novye dokumenty i materialy [Russian intelligentsia at home and abroad: New documents and materials]. Moscow, 2001, pp. 131–137. (In Russian).
12. *Derbin E. N.* Diskussiya po voprosu «Otkudu est' poshla ruskaya zemlya... i otkudu ruskaya zemlya stala est'» v ukrainskoj emigrantskoj istoriografii nachala 1930h gg. [Discussion on the issue «Otkudu est' poshla ruskaya zemlya... i otkudu ruskaya zemlya stala est'» in the Ukrainian emigrant historiography of the early 1930s]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2022, vol. 32, no. 1, pp. 55–64. (In Russian).
13. *Derbin E. N.* Drevnerusskaya gosudarstvennost' v predstavlenii evraziycev 1920–30-h gg. [Ancient Russian statehood in the Representation of the Eurasians of the 1920s-30s.]. Drevnyaya Rus': obshchestvo, vlast', kul'tura. Sb. st. k 60-letiyu professora V. V. Puzanova [Ancient Rus': society, power, culture. Collection of art. to the 60th anniversary of Professor V. V. Puzanov]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 2020, pp. 24–38. (In Russian).
14. *Derbin E. N.* Evraziystvo i M. V. Shahmatov (k voprosu o razgranichenii toчек zreniya) [Eurasianism and M. V. Shakhmatov (Distinction between Viewpoints Revisited)]. Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN [Bulletin of the Kalmyk institute for humanities of the Russian academy of sciences], 2016, Vol. 28, Is. 6, pp. 146–152. (In Russian).
15. *Derbin E. N.* Konceptiya verhovnoj vlasti Drevnej Rusi M. V. Shahmatova i evraziystvo [The Concept of the Supreme Power of Ancient Rus' M.V. Shakhmatov and Eurasianism]. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Al'manah [Ancient Rus': time, personalities and ideas]. St. Petersburg, 2017, Vol. 7, pp. 334–346. (In Russian).
16. *Derbin E. N.* Problema verhovnoj vlasti Drevnej Rusi v trudah istorikov belgradskogo kruga russkoj emigracii (1920–30-e gg.) [The Problem of the Supreme Power of Ancient Rus in the Works of Historians of the Belgrade Circle of Russian Emigration (1920-30s)]. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh [Ancient Rus': time, personalities and ideas]. St. Petersburg, 2016, Vol. 5, pp. 82–105. (In Russian).
17. *Derbin E. N.* Problema verhovnoj vlasti v Drevnej Rusi v trudah istorikov-yuristov Harbinskogo centra russkoj emigracii [The problem of the supreme political authority in the Ancient Rus' in the works of russian émigré legal historians in Harbin]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya [Bulletin of St. Petersburg University. Series 2. History], 2016, no. 1, pp. 18–30. (In Russian).
18. *Ermishina K. B.* Pyotr Nikolaevich Savickij: zhiznennyj i tvorcheskij put' [Pyotr Nikolaevich Savitsky: life and creative path]. Savickij P. N. Nauchnye zadachi evraziystva: Stat'i i pis'ma [Scientific tasks of Eurasianism: Articles and letters]. Moscow, 2018, pp. 7–62. (In Russian).
19. *Kizevetter A.* Istoriya samouprava u Rusiji [History of Self-government in Russia], Savremena Opshtina [Contemporary Municipality], 1928, no. 4, pp. 1497–1514. (In Serbian).
20. *Kizevetter A. A.* Mestnoe samoupravlenie v Rossii. IX–XIX st. 2-e izd. [Local self-government in Russia. IX–XIX centuries 2nd ed.]. Petrograd, Zadruga Publ., 1917, 119 p. (In Russian).
21. *Kovalev M. V.* Evgenij Francevich Shmurlo: russkaya ital'yanistika v emigracii [Evgeny Frantsevich Shmurlo: Russian Italian studies in exile], Novaya i novejschaya istoriya [Modern and contemporary history], 2016, no. 1, pp. 155–172. (In Russian).
22. *Kovalev M. V.* Zhizn' i tvorchestvo istorika Russkogo Zarubezh'ya Sergeya Germanovicha Pushkareva (1888–1984) [The life and work of the historian of the Russian Diaspora Sergey Germanovich Pushkarev (1888-1984)], Novaya i novejschaya istoriya [Modern and contemporary history], 2015, no. 3, pp. 162–179. (In Russian).
23. *Kovalev M. V.* Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920–1940 gg.) [Russian emigrant historians in Prague (1920-1940s)]. Saratov, 2012, 408 p. (In Russian).
24. *Kovalev M. V.* Povsednevnyaya zhizn' rossijskoj emigracii v Prage v 1920–1930-e gody [The daily life of Russian emigration in Prague in the 1920s and 1930s]. Saratov, 2014, 154 p. (In Russian).
25. *Mihal'chenko S. I., Tkachenko E. V.* Istoriik prava Mstislav Vyacheslavovich SHahmatov [Legal historian Mstislav Vyacheslavovich Shakhmatov], Istoriya gosudarstva i prava [History of the state and law], 2021, no. 1, pp. 36–44. (In Russian).
26. *Mogilevskij N. A.* G. N. Garin-Mihajlovskij: sud'ba i teksty [G. N. Garin-Mikhailovsky: fate and texts], Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manah [People and texts. Historical Almanac], 2020, Vol. 13, pp. 157–184. (In Russian).
27. *Pushkarev S. G.* Oчерк istorii russkogo gosudarstvennogo prava (verhovnaya vlast' i gosudarstvennoe upravlenie) [An essay on the History of Russian State Law (supreme power and state administration)]. Bratislava, 19?, 15, 20, 27 p. (In Russian).
28. *Pushkarev S. G.* Rol' pravoslavnoj cerkvi v istorii russkoj kul'tury i gosudarstvennosti [The role of the Orthodox Church in the history of Russian culture and Statehood]. Vladimirova, 1938, 62 p. (In Russian).
29. *Pushkarev S. G.* Rossiya i Evropa v ih istoricheskom proshlom [Russia and Europe in their historical past], Evrazijskij vremennik [The Eurasian Time Period], 1927, book 5, pp. 121–152. (In Russian).
30. *Rasovskij D. A.* O roli chyornyh klobukov v istorii drevnej Rusi [About the role of black hoods in the history of ancient Rus'], Seminarium Kondakovianum, 1927, Vol. 1, pp. 93–109. (In Russian).
31. *Savickij P. N.* Nauchnye zadachi evraziystva: Stat'i i pis'ma [Scientific tasks of Eurasianism: Articles and letters]. Moscow, House of The Russian Abroad of A. Solzhenitsyn, 2018, 680 p. (In Russian).

32. *Cepilova V. I.* A. A. Kizevetter v emigracii (1922–1933) [A. A. Kiesewetter in emigration (1922-1933)], *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Series 1, Problems of education, science and culture], 2005, Vol.17, no. 34, pp. 108–114. (In Russian).
33. *Shahmatov M. V.* Gosudarstvo pravdy [The State of Truth]. Moscow, FondIV Publ., 2008, 312 p. (In Russian).
34. *Shahmatov M. V.* Opyty po istorii drevnerusskikh politicheskikh idej. T. 1. Ucheniya russkikh letopisej domongol'skogo perioda o gosudarstvennoj vlasti [Experiments on the history of ancient Russian political ideas]. Prague, 1926–1927, Book 1–2, 574 p. (In Russian).
35. *Shmurlo E. F.* Vvedenie v russkuyu istoriyu [Introduction to Russian History]. Prague, Plamy Publ., 1924. 178 p. (In Russian).
36. *Shmurlo E.* Storia della Russia [History of Russia]. Rome, 1928, Vol. 1, 286 p. (In Italian).
37. *Shmurlo E. F.* Kogda i gde krestilsya Vladimir Svyatoj? [When and where was Saint Vladimir baptized?], *Zapiski Russkogo istoricheskogo obshchestva v Prage* [Notes of the Russian Historical Society in Prague], Prague, 1927, Book 1, pp. 120–148. (In Russian).
38. *Shmurlo E. F.* Kurs russkoj istorii [Russian History Course]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2000, Vol. 1, 544 p. (In Russian).
39. *Shpakovskaya M. A.* Odinnadcat' let v emigracii (iz zhizni professora A. A. Kizevettera v Prage) (po materialam moskovskikh arhivov) [Eleven years in emigration (from the life of Professor A. A. Kizevetter in Prague) (based on the materials of the Moscow archives)], *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations.], 2001, no. 1, pp. 163–169. (In Russian).

Received 03.10.2023

Derbin E.N., Candidate of History, Associate Professor at Department of Social and Humanitarian Disciplines
 Udmurt State Agrarian University
 Studencheskaya st., 11/1, Izhevsk, Russia, 426069
 E-mail: derbin80@mail.ru